

Очевидно, Хэлянь Хэн принимал ванну.

Цзун Цзинь потратил пару мгновений на раздумья, стоит ли прямо сейчас врываться и не будет ли это некстати, но быстро сообразил: оба они — взрослые мужики, и всё, что есть у Хэлянь Хэна, есть и у него самого, так что о какой некстати вообще речь?

Он высунулся вбок, пытаясь разглядеть сквозь клубы густого пара фигуру Хэлянь Хэна.

Впрочем, искать особо и не пришлось. Хэлянь Хэн, казалось, разделял его привычки: в просторном Павильоне Синей Птицы он находился в полном одиночестве. Мужчина сидел в горячем источнике, обнажив плечи, шею и грудь. Его иссиня-чёрные волосы были собраны на затылке в небрежный пучок, а несколько прядей выбились наружу, намокли и прилипли к боковой стороне шеи.

Хэлянь Хэн, судя по всему, даже не слышал, как кто-то отворил дверь и ворвался внутрь.

С того места, где стоял Цзун Цзинь, был виден лишь профиль мужчины.

Хэлянь Хэн выпивал: в его правой руке покоился кубок, небрежно прислонённый к камню у самого края бассейна. Как раз в тот момент, когда Цзун Цзинь украдкой разглядывал его, мужчина запрокинул голову, единым глотком осушил кубок, поставил его обратно, взял кувшин и лениво налил себе ещё.

Вот уж умеет человек наслаждаться жизнью, этот Хэлянь Хэн... Цзун Цзинь завистливо и недовольно поджал губы.

В провинциях Цзюлун и Шанюй никаких горячих источников отродясь не водилось, и раньше ему приходилось мыться исключительно под водопадами — вне зависимости от того, стояла ли лютая летняя жара или трещали зимние морозы, он воспринимал это как закалку воли.

Но с чего вдруг этот ублюдок Хэлянь Хэн выглядит так, будто вовсе не получает от этого никакого удовольствия?

Мужчина сидел с опущенными ресницами, взгляд его потух, словно он был занят какими-то тяжёлыми думами.

Это открытие заставило Цзун Цзиня замереть — он так и остался стоять за ширмой, наблюдая за происходящим. С чего бы Хэлянь Хэну о чём-то горевать? Ведь он наверняка считает величайшей радостью то, что сам Цзун Цзинь «погиб». К тому же за те несколько дней, что он провёл в поместье Хэлянь, до него не доходило никаких вестей о дурных новостях в клане Хэлянь.

Внезапно среди клубящегося пара Хэлянь Хэн поднял винный кубок и, медленно и осторожно

наклонив его, позволил прозрачному вину, отражавшему мерцание близлежащих свечей, политься на чёрный камень.

— ...Горько лишь одно: не дождался я возможности, — выговорил мужчина необычайно тихо и глухо, так что разобрать слова было почти невозможно, — разделить с тобой кубок вина лицом к лицу.

Цзун Цзинь запутался ещё сильнее.

Хэлянь Хэн был единственным сыном в трёх поколениях, ни братьев, ни сестёр у него не было, жена умерла рано, детей отродясь не заводил... Кого же он поминает?

Глядя на покрасневшее от хмеля или горячей воды лицо собеседника, Цзун Цзинь какое-то время безуспешно пытался найти разгадку, но в конце концов махнул рукой на эти размышления, вышел из-за ширмы и зычно бросил:

— Хэлянь...

Взгляд мужчины мгновенно устремился на него.

Сама собой рука Цзун Цзиня словно наткнулась на невидимое препятствие — он на полуслове проглотил застрявший в горле слог «Хэн» и торопливо исправился:

— Господин.

— Кто разрешил тебе войти? — не выказывая гнева, лишь бросил Хэлянь Хэн.

Цзун Цзинь прикинул так и этак:

— А разве кто-то запрещал?

Едва сорвались с языка эти слова, как он тут же пожалел о них. Ну что за язык у него такой — никак не может вымолвить что-нибудь приятное и угодливое? Если Хэлянь Хэн сейчас рассвирепеет, как тогда продолжать разговор?

Однако, к его удивлению, уголки губ мужчины вдали чуть приподнялись в лёгкой усмешке.

Цзун Цзинь:

— ...?

— Снова пришёл убить меня? — поинтересовался Хэлянь Хэн.

Из-за того, что лицо его покраснелось от тепла, а на губах играла улыбка, эта фраза прозвучала скорее как дружеская шутка, нежели вопрос.

Как говорится, не бьют того, кто улыбается. Какой бы скверной и дерзкой ни была натура Цзун Цзиня, при виде столь благодушного настроения Хэлянь Хэна он внезапно растерял все злые слова:

— ...Нет, я по делу... Просить тебя пришёл?

Надо же, он умудрился выговорить слово «просить».

Мысленно Цзун Цзинь горько усмехнулся над собственным падением на самое дно, а Хэлянь Хэн тем временем поманил его пальцем:

— Подойди сюда.

— Эх...

Приблизившись, он сразу почувствовал от Хэлянь Хэна мощную волну алкогольного перегара. Окинув взглядом валявшиеся вокруг каменной стены пустые кувшины, он прикинул: тут набралось никак не меньше двух цзиней.

Неужели он и впрямь напился вдрызг?

Проклятье, знал бы он заранее, что Хэлянь Хэн тайком забился сюда выпивать да ещё в таких количествах, непременно прихватил бы с собой кинжал, чтобы довести до конца свой великий план покушения.

Все эти знатные кланы столетия назад были пожалованы императором. Такие люди, как он сам и Хэлянь Хэн, перед лицом императорского двора в городе Тяньду оставались лишь подданными, но в собственных уделах являлись полновластными правителями, настоящими королями.

На его месте любой другой человек не то что жался бы от страха, но по меньшей мере выказывал глубочайшее почтение. Однако Цзун Цзинь не испытывал ни малейшего смущения: он вальяжно подошёл к мужчине, присел боком на камень лицом к Хэлянь Хэну, но как раз под таким углом, чтобы, не поворачивая головы, можно было не встречаться с ним взглядом.

— Говори, о чём хотел просить, — хрипло произнёс Хэлянь Хэн. — Если просьба разумна, пожалуй, я могу и согласиться.

— Ты ведь собираешься в Цзюлун? — сходу перешёл к делу Цзун Цзинь.

— Ну допустим.

Похоже, под воздействием хмеля Хэлянь Хэн стал удивительно сговорчивым, и в его тоне пропала та высокомерная нотка, которую Цзун Цзинь так ненавидел.

— Возьми меня с собой.

Цзун Цзинь повернул голову и горячо выпалил:

— С какой стати мне брать тебя?

— Разве тебе не нужен слуга? Я буду служить тебе!

Взгляд Хэлянь Хэна скользнул по нему, задерживаясь на лице.

Этот мальчик из павильона появился при странных обстоятельствах, но внешностью обладал безупречной: алые губы, белые зубы, ясный и живой взгляд. Хэлянь Хэн повидал немало красавцев, но Цзун Цзинь легко мог состязаться с лучшими из них. Однако больше всего его цепляло то, что этот мягкий, почти женственный облик совершенно не вязался с дерзким выражением глаз.

Словно где-то в глубине зрачков вечно полыхал огонёк, словно горный лев, рычащий на вершине утёса — обжигающе страстный и дикий.

Сейчас было то же самое: хотя на словах он пришёл просить о милости, взгляд Цзун Цзиня оставался прежним — донельзя наглым.

Вдруг рука Хэлянь Хэна выметнулась из воды, мёртвой хваткой вцепилась в запястье Цзун Цзиня и резко дёрнула на себя.

— А? Эй, погоди...

Бульк!

Издав пару испуганных возгласов, Цзун Цзинь вниз головой рухнул в горячий источник.

Тёплая вода со вкусом соли и минералов мгновенно хлынула ему в нос и рот. Отчаянно отбиваясь, Цзун Цзинь вынырнул на поверхность:

— Тьфу, тьфу! Хэлянь Хэн, ты часом не головой об стену ударился? Решил меня своей водой из ванны напоить?!

Промокший насквозь Цзун Цзинь стоял перед мужчиной, вытирая лицо и с пылающей от гнева яростью глядя на него сверху вниз.

— Это такой тон у просящих? — невозмутимо поинтересовался Хэлянь Хэн, слегка изогнув губы.

— А какой тебе ещё тон нужен? — завопил Цзун Цзинь. — Ты всё равно собираешься вести туда войско, одним человеком больше, одним меньше — какая разница? А впрочем, раз уж ты всё равно подозреваешь, что меня подослал кто-то другой, так отпусти меня из поместья, я и сам доберусь!

— Значит, ты всё-таки человек клана Юйчи.

— Да я...

Цзун Цзинь вовремя прикусил язык и, испепеляя Хэлянь Хэна взглядом, собрался уже вылезти из источника.

На исходе осени ночи стояли прохладные, и налетевший ветер пробирал мокрую одежду до костей.

Тут Хэлянь Хэн невозмутимо произнёс:

— Тот, кто о чём-то просит, должен вести себя соответственно. А слуга обязан знать свой долг.

— Какой ещё долг? Сторожить твои двери?

— Обслуживать меня во время купания.

— ...У тебя что, рук нет? Сам помыться не можешь? — выругался Цзун Цзинь.

— Сдается мне, ты вовсе не горишь желанием ехать.

— ...

Не найдя, что возразить, Цзун Цзинь замер. Хэлянь Хэн с лёгким вздохом — то ли мнимым, то ли настоящим — произнёс:

— Садись рядом.

— Сяду рядом, и ты возьмёшь меня в Цзюлун?

— Зависит от того, как будешь просить.

Цзун Цзинь понял: этот ублюдок просто издевается над ним сознательно!

Но что толку понимать — ему до зарезу нужно было вернуться в Цзюлун, разобраться в ситуации и вырваться из поместья Хэлянь. Стоит ему только ступить на земли Цзюлуна, как у него непременно сыщется способ доказать всем, что он — Юйчи Лань, вернувшийся из мира мертвых. Тогда он вернет себе былую власть и снова пойдет войной на город Тяньду.

Пусть его душило бешенство, поделаться было нечего. Пришлось подчиниться и опуститься рядом с Хэлянь Хэном.

Правда, лезть в воду он не стал, а устроился прямо на выложенном камнем бортике, вплотную прижавшись к Хэлянь Хэну.

Хэлянь Хэн протянул к нему руку и взглядом указал на кувшин: наливай.

Скорчив кислую минну, Цзун Цзинь подчинился. Подавая кубок Хэлянь Хэну, он расплескал добрую треть:

— ...Чтоб ты подавился.

Хэлянь Хэн ничуть не расстроился. Сделав неторопливый глоток, он продолжил:

— Зачем тебе в Цзюлун? Неужели и впрямь засланцы клана Юйчи?

— Послушай, Хэлянь Хэн, — процедил Цзун Цзинь. — Если память мне не изменяет, этого паренька купил твой управляющий, и кого оставлять, а кого нет, решал только ты. Будь я действительно шпионом чужого клана, стал бы ты держать меня с такой стопроцентной уверенностью в безопасности?

— А у тебя подвешен язык.

— ...Да дело же не в этом! Если бы я... если бы я был главой клана Юйчи, я бы точно не стал подсылать человека с низким социальным статусом. Куда разумнее было бы выбрать кого-то с выдающимися способностями, чтобы привлечь твоё внимание, а потом затаиться лет на десять-двадцать, пока ты полностью не проникнешься доверием... Разве тогда нельзя было воротить

всё, что душе угодно?

Именно так — да, именно так его и подставил за спиной Ло Чэньхуань.

Хэлянь Хэн не унимался:

— Я спросил, зачем тебе в Цзюлун.

— Я... мои родные края в Цзюлуэ, хочу домой, нельзя разве?

— Попроси меня как следует, глядишь — и соглашусь.

— ...

Цзун Цзинь сжал кулаки и трижды глубоко вдохнул, с трудом удерживаясь от того, чтобы врезать Хэлянь Хэну прямо сейчас.

Просить? За всю свою прошлую... да и эту жизнь он ни у кого ничего не просил. Всё, чего он хотел — от хорошего клинка и тугого лука до целого поднебесья, — он всегда добывал собственными силами.

Дело было вовсе не в гордости, мешавшей ему унизиться перед Хэлянь Хэном, — он просто понятия не имел, как именно нужно просить.

Он украдкой покосился на лицо Хэлянь Хэна. Тот смотрел на него всё тем же ровным взглядом, будто ожидая продолжения.

Цзун Цзинь — бывший мальчик из павильона, а они ведь обучены только одному: ублажать мужчин и услаждать их взор.

Сморщив брови и промучившись с минуту, он с трагическим выражением лица, неестественно сдавленным голосом выдавил из себя:

— ...Братюнь, возьми меня с собой.

— ...

На этот раз настала очередь Хэлянь Хэна потерять дар речи.

— А-а-а, да что тебе нужно?! Как ещё тебя попросить?! Я же сказал слово «просить», Хэлянь

Хэн, не будь свиньей, то, что я вообще унился до просьбы — это уже...

— Взять тебя с собой вполне можно.

Хэлянь Хэн, казалось, ни капли не задетого злобными тирадами, с поистине лёгким сердцем оборвал его на полуслове.

— Говори, что мне делать? — немедленно встрепенулся Цзун Цзинь.

— Ничего не делай. Просто посиди здесь, в тишине.

— Правда?

— Мгм.

Стоило ему умолкнуть, как в Павильоне Синей Птицы вновь воцарилась прежняя тишина, нарушаемая лишь журчанием воды, что придавало ночному пейзажу особый колорит.

Хэлянь Хэн допил вино из своего кубка, а затем внезапно медленно склонил голову в сторону Цзун Цзиня.

И прислонился головой к его коленям.

Цзун Цзинь в тот же миг вытаращил глаза от изумления. Он совершенно ничего не понимал, но боялся издавить хоть звуком — а вдруг тот передумает и откажется от своих слов? — и потому затаил дыхание, боясь пошевелиться.

Хэлянь Хэн просто лежал, ничего больше не говоря и не делая, словно в его сердце скопилась целая буря неразделимой ни с кем скорби.

Они просидели так довольно долго, пока...

— А-апчхи! — Цзун Цзинь от холода не выдержал и чихнул.

Он торопливо пот нос и оправдался:

— Ужасно холодно, не утерпел...

Хэлянь Хэн тут же поднялся с его колен, выпрямился, слегка покачав отуманенной головой, и бросил:

— Убирайся.

— И всё? — уточнил Цзун Цзинь. — Вот так просто? Больше ничего делать не надо? Ты возьмёшь меня в Цзюлун?

— Если хочешь продолжить прислуживать, я не против.

— ...

Цзун Цзинь мгновенно вскочил на ноги и бросился к выходу, словно спасаясь бегством от беды:

— Раз так, я действительно ухожу! Уж раз пообещал взять меня в Цзюлун, смотри мне, не смей отказываться от своих слов!

<http://bllate.org/book/22011/2288235>